

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-68-83

УДК 94

Леонтий Ланник

Генезис Первой мировой войны. I. Вековое многообразие объяснений

Аннотация. *Историографическая традиция исходит из неизбежности Первой мировой войны, тщательно анализирует причины рокового исхода Июльского кризиса, отмечает тенденции к силовому переделу мира. Помимо множества объективных обоснований, сформулированных, в первую очередь, в рамках теории империализма, выдвигаются и иные версии, также доказывающие неотвратимость начала Великой войны из-за стечения обстоятельств и субъективных факторов. Сопоставление ряда процессов в международных отношениях в 1911–1914 г., оценка серии геополитических компромиссов и заблокированных конфликтов, отказ от предубеждений, заведомо приписывающих тем или иным акторам милитаризм и экспансию, позволяют поставить ряд привычных тезисов под сомнение. Многие из внешнеполитических шагов, позднее объявленных приоритетными в логике экспансии и соперничества, в действительности просчитывались европейскими элитами в иной плоскости, где обращали внимание на конфликты не глобального, а локального, а то и личного масштаба. Системный подход приводит к переоценке выводов, полученных при отдельном рассмотрении различных двусторонних конфликтов, открывая возможность к формированию новых версий негативного исхода Июльского кризиса и закономерных причин банкротства сложной Венской системы международной безопасности, выстроенной за столетие компромиссов между великими державами.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, геополитика, политические приоритеты, Германская империя, региональные конфликты, инфраструктура, милитаризация, системный подход, Июльский кризис 1914.*

I. Мнимая очевидность

Июльский кризис 1914 г. является, по-видимому, самым описываемым событием подобного масштаба в истории. Спектр оценок его причин и исхода включает всю доступную палитру: от объективистского диктата дискурсов о закономерных противоречиях империализма и нарастающем столкновении интересов держав — до субъективно-квазихаотических версий о роковом стечении недоразумений, различных обстоятельств, включая технические сбои и версии на грани теории заговора о чьих-то «кознях», страхах и самовнушении (заставивших действовать по принципу «семь бед — один ответ»

Сведения об авторе: *Ланник Леонтий Владимирович — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, leo-lannik@yandex.ru.*

либо равнодушно наблюдать надвигающуюся катастрофу в бессилии что-либо предотвратить). Опровергать субъективистские теории как домыслы необычайно легко, ведь доказательная база в этих случаях всегда менее строга, чем при оперировании экономической статистикой или верно подобранными цитатами из отчетов дипломатов и консультаций на высоком уровне. Однако сам факт бурного интереса к событиям более чем вековой давности и почти неистребимых — как очередной раз выяснилось на волне юбилеев в 2010-х годах — ревизионистских национально ориентированных подходов более чем наглядно диагностирует состояние историографии кануна Великой войны [1].

Между оценкой империалистической фазы с амплитудой статистики в несколько десятилетий и тщательными реконструкциями переписки и телеграфных запросов в почасовых, а то и поминутных интервалах [2], примерно посередине, находится попытка оценить баланс между великими державами в канун Сараевского убийства (или сразу после него, по меньшей мере до середины июля) вне эффекта постзнания и уверенности в безальтернативности военного варианта разрешения последующего кризиса. Подобный подход более всего отвечает направлению, связанному с изучением decision-making, переживавшему расцвет в конце XX — начале XXI вв. [3], однако указанная ниша пока не вполне заполнена. Историкам, как не только творцам, но и носителям базовых версий исторической памяти, подчас довольно трудно обойтись без убеждения в том, что столько раз вполне возможная война нескольких великих держав должна была разразиться именно летом 1914 г., а не на следующем витке обострения объективных противоречий и взаимных опасений.

Даже абстрагируясь от нарочито-обвинительных тезисов о стремлении крупного капитала к войне, исследователи неизменно искали и находили иного типа доказательства обреченности Европы, а потому и большей части планеты, на мировые войны, причем первый такой конфликт должен был начаться никак не позже 1914 г. [См., напр.: *Maschine zur Brutalisierung...*] Соглашаясь с тем, что Сараевского убийства следовало чуть ли не ожидать, причем в этом месте и в это время, а сам факт его был хотя и вызывающим, но далеко не уникальным инцидентом подобного рода, легко отделивались фразой о важности причин, а не повода, — причин, которые современники с тем же успехом обнаруживали на протяжении десятилетий, доказывая (в сочинениях памфлетного типа и политической фантастике) неизбежность войны «здесь и сейчас». Сохранение этой позаимствованной у публицистики тональности в историографии тем менее обоснованно, что постепенно накопились материалы и выводы, нюансирующие, а то и опровергающие прежние слишком прямолинейные концепции — например, о громадном демографическом давлении в успешно развивающихся великих державах [4].

У современников, невзирая на регулярно вспыхивавшую газетную истерию, были все основания для иной оценки европейской ситуации, противоположной той концепции, что позднее обрела статус канонической - о неуклонном нарастании и обострении конфликтов, со все более частым достижением порога боевых действий, по

меньшей мере со времен Боснийского кризиса. Плотность взаимодействия великих держав и вызванное этим инфраструктурное и геополитическое трение действительно устойчиво росли. Это было неизбежно хотя бы вследствие бурного технологического развития. Однако по-настоящему качественные перемены в международной расстановке сил к 1908 г. уже совершились, ведь «шарнирной эпохой» были предшествующие 12 лет [См., подр.: Brechtken]. В 1895–1907 гг. произошло резкое усложнение былой пентархии. В клуб великих, а не просто региональных держав сумели войти Япония и США, обозначила (пусть неудачно) подобное стремление и Италия. Болезненным испытаниям на прочность подверглись вооруженные силы и государственные машины Великобритании, Франции и России. Завершилась или стала откровенно «перезревшей» смена поколений во главе империй, началась финальная фаза демонстрация великих азиатских монархий, которую было принято «списывать» на эхо Первой русской революции. Предвоенное шестилетие (1908–1914) было отмечено главным образом очередными стадиями и новыми «афтершоками» конфликтов и процессов, начавшихся значительно ранее, включая Восточный вопрос. (Не менее примечательны были и эффекты второго порядка, перечисление которых потребовало бы отдельной статьи, а то и монографии.)

Всего за несколько месяцев до начала Великой войны, в памфлете с посвящением К. Либкнехту, где обличались стремления магнатов к военному варианту решения сразу всех проблем, британский автор констатировал: «Если Германии удастся усидеть на месте, то перед ней открываются отличные виды на будущее» [Ньюболд. С. 135]. Бурные потоки нортклиффовской пропаганды военных элит и столетие англосаксонской гегемонии в информационном пространстве до сих пор заслоняют реалии последних лет «долгого XIX века» [5], приписывая его трагическому финалу неотвратимость, а более чем флуктуационному ходу событий на мировой арене — прямолинейно-догматическую «очевидность». Вполне аргументированное мнение, что в 1908–1914 гг. не менее вероятной, чем столкновение основных великих держав, была своего рода «разрядка», известно в лучшем случае в профессиональной среде [6]. в исторической памяти же, несмотря на острые конфликты национальных традиций, царит редкое единодушие насчет «обязательности» мировой войны (и никак не позже лета 1914 г.), сопровождающееся теориями заговора и хорошо подобранными статистическими выкладками.

II. Специфика эпохи как условие анализа

Геополитические компромиссы обладают нелинейной и не «математизируемой» устойчивостью, которая связана не только с их материальными условиями, но и с динамикой отношения к ним как в обществе, так и в соответствующих инстанциях, а то и у отдельных представителей элит. Это обуславливает императивное требование постоянной «поправки» на специфику эпохи, на набор характерных черт и параметров, отличных от тех, в которых проводится историческое исследование. В XXI в. все чаще возникает необходимость напоминания о реалиях инфраструктурного развития и технических пределах начала прошлого столетия.

Начало 1910-х годов в этом отношении было кануном крупных перемен, ведь сравнительно недавно завершилось создание по-настоящему всемирной единой телеграфной сети — тогда лишь минимально необходимой. Готовились новые проекты существенного усовершенствования подводных кабелей, назревала попытка поколебать абсолютное доминирование Великобритании в этой сфере. Гибель «Титаника» в апреле 1912 г. резко активизировала разработку устойчивой постоянной трансатлантической радиосвязи, помимо проектов охвата радиостанциями основных континентов. Однако информация, необходимая для принятия решений, по-прежнему распространялась в основном со скоростью, диктуемой доступными тогда видами транспорта (по крайней мере те сведения, что были готовы верифицировать на высшем уровне). Заря авиационной эры и бурные надежды на воздухоплавание не отменяли того, что для дипломатов и военных базовыми носителями по-настоящему важных сведений оставались курьеры. Это означало горизонт решений в 2-3 дня даже в пределах Европы, не говоря о реагировании трансконтинентального размаха. Данный темп поступления информации считался максимально возможным и весьма высоким, а следовательно, решения о войне и мире не могли быть оформлены существенно быстрее, чем это происходило после активного внедрения телеграфа в середине XIX в., то есть чем за 5-7, а то и 10 дней.

После сравнительно благополучных — как казалось на геополитическом, но не на региональном уровне — итогов Балканских войн [7] окрепла логичная, но крайне опасная иллюзия возможности решения «местного» конфликта почти любой остроты за счет сложного компромисса нескольких великих держав. Эта иллюзия была тем устойчивее, что она восходила к основам Венской системы, подпитывалась все новыми версиями финансово-экономического детерминизма эпохи первой глобализации (именно в 1911 г. о себе громко заявил «норман-энджеллизм» во всех видах [8]) и потому казалась особенно убедительной. Огромный опыт деэскалации конфликтов, несмотря на шумные информационные войны и шантаж, сказывался на позиции всех деятелей более-менее зрелого возраста, которые могли без труда вспомнить (на личном опыте) пеструю вереницу трудных, но удачных решений [9].

Само лето 1914 г., несмотря на постоянные алармистские сообщения из все большего количества горячих точек, вовсе не воспринималось современниками, включая офицеров генеральных штабов [10] и многих политиков, как более непредсказуемое, чем предыдущие, и безусловно чреватое большой войной. Скорее наоборот: напряженные предшествующие годы (с лета 1911, если не 1908 г.) показали высочайшую устойчивость общего здания привычного миропорядка, и это представление сохранялось в обстановке, которая лишь позднее стала считаться «идеальным штормом». Устойчивость была оценена по достоинству современниками, в отличие от потомков, забывших за грохотом Великой войны реалии довоенных лет [11]. Отсюда многочисленные примеры пребывания в крайне несвоевременных отпусках многих акторов принятия ключевых решений (включая Г. фон Мольтке-младшего) и авантюрных попыток выбраться из внезапно оказавшихся враждебными стран (не всегда удачных, с последующим интернированием).

По-настоящему остро ожидали тогда не столько начала войны, сколько внутривнутриполитических кризисов. В Великобритании кризис назревал в связи с дебатами вокруг гомруля, перспектива которого надвигалась не только в Ирландии, но и в Индии. Во Франции победа левых партий на весенних парламентских выборах угрожала полевением правительства. В Германии «диагональ» Бетман-Гольвега давно превратилась в шпагат между ситуативными союзниками рейхсканцлера — на фоне шокирующего успеха социал-демократов на выборах в рейхстаг [12]. Россия переживала очередную радикализацию рабочего движения. В США с 1912 г. предпринималась по-настоящему реальная попытка демонтировать двухпартийную систему. Японии, еще летом 1912 г. вступившей в «эпоху Тайсё», грозил радикальный пересмотр прежней модели политического компромисса элит; и т.д.

Почти суггестивным выглядит сохраняющееся убеждение в том, что Великая война оказалась неизбежна если не по вине принятых в предвоенные годы армейских и флотских программ великих держав, то уж точно из-за эпидемии взаимных подозрений и истерических опасений проиграть в новой гонке милитаризации, подогреваемых газетными кампаниями. Статистический анализ темпов и масштабов предпринятых «мер подготовки к войне» (ряд относительных показателей с учетом роста промышленного потенциала, доли военных производств и расходов в экономике, финансовых возможностей и мобилизационных ресурсов), особенно если он компаративный и по-настоящему многосторонний, проводится всегда с позиции аксиоматической неизбежности войны. Если бы он проводился в логике «чистоты эксперимента», это похоронило бы многие домыслы о «невиданной милитаризации» к лету 1914 г. в сравнении не только с последующими десятилетиями, но и со многими страницами европейского (да и азиатского) прошлого.

Кумулятивный эффект взаимных опасений сложно отрицать, однако многие радикальные военные меры были предприняты не в связи с агрессивными целями и даже не ради обороны от основного противника, а по другим соображениям. Так, введение трехлетнего срока военной службы во Франции [См., напр.: Krumeich] мотивировалось желанием сохранить достигнутое соотношение сил между метрополией и резко разросшейся за предыдущие десятилетия колониальной периферией. Это относится не только к Франции [13], но и к Великобритании, хотя последняя в полной мере столкнулась с данной проблемой уже по итогам якобы выигранной ею Великой войны [См.: Малкин].

Мощнейший миф о милитаризме Германии не выдерживает ни сопоставления с процентным ростом вооруженных сил других держав (например, Австро-Венгрии) или тяжестью военной нагрузки на население у потенциальных противников (Франции в первую очередь)[14], ни беспристрастного сравнения согласованного, но далеко не реализованного предвоенного плана военного строительства с минимальными параметрами армии, необходимой для великой державы, тем более обладавшей третьими по величине колониальными владениями [15]. Вопреки обширной литературе о военно-морской гонке между Лондоном и Берлином, не вызывает сомнений и тот факт, что

флотские программы в Германии были фактором не столько внешне-, сколько внутри-политических процессов, включая становление подлинной имперской идентичности, да и «золотой век» их миновал задолго до отставки А. фон Тирпица весной 1916 г., по меньшей мере к 1908–1910 гг. [См., напр.: Berghahn] Многое из сказанного относится и к вроде бы очевидной и давно установленной роли армии в Пруссии и объединенной ею Германии [См., подр.: Stein].

При постоянном подчеркивании в историографии «блоковости» внешней политики великих держав в предвоенное десятилетие, история их коалиционного взаимодействия, и прежде всего — внутрикоалиционная динамика, известна очень слабо [16]. Этот парадокс во многом объясняется тем, что ни Антанта, ни Тройственный союз не были вполне оформленными коалициями (о «предательстве» в рамках которых было бы корректно рассуждать) ни к августу 1914 г., ни даже некоторое время спустя. Оформление действительно жесткой архитектуры взаимных обязательств оставалось незавершенным чуть ли не до решающей кампании 1918 г. включительно [См., напр.: Ланник. После Российской... С. 35–39] [17]. Характерна попытка заключения сколько-нибудь обязывающей военно-морской конвенции между Великобританией и Россией, отсутствие которой являлось не только одним из ключевых «недостающих звеньев» в довольно аморфном Соглашении, но и примером очередного компромисса, достигнутого под давлением Германии (да и спровоцированного во многом ее действиями) незадолго до Сараевского убийства [18]. Важную роль в решении положить под сукно проект англо-русской морской конвенции — решении сложном для всех сторон — сыграли сравнительно конструктивный (даже летом 1914 г.) характер как германо-британских, так и германо-русских отношений.

Хотя альянс Вены, Рима и Берлина длился десятилетия, подготовка координации возможных военных усилий оставалась поверхностной, что впоследствии вызывало у историков плохо скрываемое удивление [См., напр.: Elze]. Да и мифологизированный план Шлиффена продолжал регулярно проверяться на предмет целесообразности его пересмотра и уточняться в каждой из ежегодных версий мобилизационного расписания [19]. То же касается дерзких планов кампании габсбургских войск, так и не реализованных в первой военной кампании ни в одном из вариантов (как против Сербии, так и против России), как и у германского союзника на Западном фронте, но еще более бесславно, чем у последнего [См. подр.: Angelow].

Версия о полной готовности и отточенности планов ожидаемой войны у обоих блоков, особенно у Центральных держав, восходит к газетным кампаниям 1910-х годов и последующему мифу об их односторонней виновности в войне, закрепленному версальским диктатом. Канун Великой войны был пиком иллюзий на тему «четвертой власти», веры в важнейшую роль СМИ, отдельных публицистов, издателей и медиа-магнатов в формировании внешней политики. Обоснованность таких представлений потом не раз опровергалась реалиями работы дипломатических и политических (не говоря уже о военных) ведомств. Однако влияние разнообразных посредников между миром медиа, салонов, спецслужбами и придворными кругами в 1910-х годах оставалось весьма

высоким, так что и в годы Первой мировой войны различные ходатаи присваивали себе широкие полномочия и выступали с инициативами, включая мирное посредничество, в тех или иных регионах, в контактах с некоторыми профессиональными и националистическими группировками, ошибочно полагая, что в условиях войны смогут не только продолжить довоенную активность, но и нарастить ее значимость [20]. В этом им способствовали как слабое, далеко не вышедшее на приемлемый уровень и к 1914 г. развитие органов военной разведки и контрразведки [См., подр.: Pöhlmann] [21], так и слишком быстро менявшиеся параметры информационной картины событий, вынуждавшие привлекать к их анализу вспомогательные «экспертные» силы.

III. Выбор угла зрения

Разнообразие, размах и напряженность многолетних, относившихся к разным регионам мира и очередной раз обострившихся к лету 1914 г. конфликтов на грани масштабной войны исключают трактовку причин мировой схватки, акцентирующую в основном их балканское или даже общесредиземноморское измерение, хотя именно эта версия преобладает вот уже более ста лет [22]. К тревоге исторического сообщества, публицистическая конъюнктурность, общая этика и степень глубины исследований, уместные разве что для политологии, все откровеннее проявляются в базовых исторических исследованиях событий вековой и более давности. Содействует этому сильная (особенно в России, но отчасти и в бывших странах социалистического лагеря [См., напр.: Rathmann]) традиция изобличения неуклонной экспансии в первую очередь Германии, а также в меньшей степени других стран, начиная с Великобритании и США.

Крайне сложная картина многостороннего и многоуровневого взаимодействия во все более плотной ткани международных отношений первых десятилетий XX в. едва ли может быть корректно реконструирована и изложена путем суммирования результатов анализа, сфокусированного на одном регионе или двусторонних отношениях, тем более с учетом количества региональных аспектов, набора участников компромиссов и множества (якобы) двусторонних связей. Это же относится и к любому общему полотну, посвященному «эпохе империализма», при всех несомненных заслугах подобных исследований [См., напр.: Хальгартен] [23] и огромной источниковой базе, опубликованной (в том числе в СССР) именно под концепцию империализма. При желании избежать сомнительных упрощений и детерминистских клише приходится искать иную призму рассмотрения последней фазы существования Венской системы международных отношений, принимая во внимание все пространство ее воздействия на планете.

Рамки не только статьи, но и монографии исключают даже самый поверхностный обзор «всех сторон многоугольника», поэтому неизбежен выбор одной из перспектив рассмотрения, с учетом важности поправок на иные приоритеты. Предпочтительный угол зрения призван гарантировать «равноудаленность», отказ от фиксации на лишь одном из регионов, а также причастность главного объекта анализа ко всем основным конфликтам (а не только евразийским, как у России). Кроме того, важно обеспечить рассмотрение с позиции активной и суверенной, но не откровенно гегемонистской (что

сразу исключает выводы за пределами перспективы «сверху»). Предстоит исследовать усилия, продиктованные стремлением не только удержать имеющиеся, даже сравнительно недавно оформленные позиции (как у Франции), но и направленные на динамичное воздействие на сложившийся расклад сил, отражающие амбиции, а не инерцию. При таком наборе требований к ракурсу можно было бы убедительно проиллюстрировать пределы возможного и приемлемого на примерах реально достигнутых накануне Великой войны компромиссов.

Всем этим признакам удовлетворяет из великих держав только Германская империя, ведь такой «претендентской» активностью, но одновременно и заинтересованностью в динамическом развитии прежней архитектуры обязательств и сфер влияния по всему миру, а также соответствующими ресурсами (а не только потенциалом, как у России и США) обладала только она. Это делает «германоцентричный» анализ совокупности финальных усилий по сохранению имевшегося мироустройства вплоть до августа 1914 г. более релевантным, чем, например, «франкоцентричный», «россиицентричный» и другие аналогичные углы зрения. Хотя и такой ракурс не гарантирован от специфических «национальных» искажений и недостатков.

По сложившейся, но не всегда аналитически оправданной традиции важнейшие линии напряжения в международной политике того времени часто сводят к динамике двусторонних германо-британских отношений [24], пытаясь через них описывать все происходившее, что не является по умолчанию корректным применительно к любому из упоминаемых при этом регионов. Еще менее адекватны требованиям системного анализа работы, исследующие курс той или иной великой державы в отдельном регионе, при всей их информативности и ценности детального анализа многих решений и инициатив [См., напр.: Adam; Агансон]. Нельзя не сказать и о том, что на определенном этапе в историографии возобладали публикации, отличавшиеся столь явной ангажированностью и обвинительным пафосом [25], что к их верификации перешли значительно позднее, по истечении эмоциональной фазы «спора историков» 1960–1980-х гг., порожденного бурными обвинениями Ф. Фишера и полемикой его сторонников и противников по обе стороны «железного занавеса» [26].

При желании детализировать «только» германо-британские отношения предвоенных лет [См., напр.: Романова] без труда обнаруживаются «особенности момента», в том числе кадровые. Сильнейшая психологическая, порой выходящая на грань патологии (главным образом лично у Вильгельма II) [27] связь германской внешней политики с британской, постоянная, иногда даже комическая оглядка на Лондон приобрели новые грани после отставки Б. фон Бюлова [28] и передачи (к лету 1909 г.) поста рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвегу, обеспечившему безраздельное доминирование англофилов (которых ошибочно полагали пацифистами) в правительственных и тем более в дипломатических кругах [См., подр.: Hildebrand. S. 290–303]. Едва ли можно говорить о зеркальной динамике в Великобритании, однако и там позиции сторонников прагматического компромисса с Берлином существенно окрепли [29]. По-настоящему

целостную персонифицированную картину сложного диалога Лондона и Берлина пока, как ни странно, не создали, возможно, из предубеждения относительно коллективных биографий дипломатов. Однако активные кадровые перестановки (особенно с германской стороны), которые после очередного этапа торга и не думали маскировать, требуют именно такого жанра в дополнение к имеющейся историографии. Знаменитая миссия британского военного министра лорда Р. Холдена в Германию в феврале 1912 г. сопровождалась отставкой графа П. Вольфа-Меттерниха после 11 лет работы послом в Лондоне — отставкой назревшей, но далеко не оптимальной в условиях отчаянного поиска не только взаимопонимания, но и доверия между двумя державами. Быстрая смерть его преемника, так и не начавшего работу в британской столице, влиятельнейшего А. Маршалла фон Биберштайна (бывшего 15 лет послом на Босфоре), до сих пор вызывает немало вопросов. Назначенный на внезапно освободившийся пост № 1 в посольской иерархии Германской империи князь К. Лихновский был представителем следующего поколения, однако его карьера прервалась еще 8 годами ранее, так что подобное назначение было очередным проявлением импульсивной природы кайзера Вильгельма II, но только не действительно необходимым для чаемого взаимопонимания шагом.

С некоторой долей допущения можно полагать, что частью цены за ряд компромиссов, как состоявшихся (сделка Марокко — Камерун осенью 1911 г.), так и упущенных (например, в ходе миссии Холдена), стала внезапная смерть 30 декабря 1912 г. главы германской дипломатии А. фон Кидерлен-Вехтера. Он упорно пытался взять реванш за свои неудачи, однако вызывал скорее сочувствие, нежели содействие. Последним его отчаянным усилием было очередное продление (5 декабря 1912 г.) Тройственного союза, что после итало-турецкой и в разгар Первой Балканской войны следовало считать лучшим из возможных вариантов. Сразу после состоялись мучительные для всех великих держав переговоры послов в Лондоне, где нервы и персональная лояльность дипломатов друг к другу были проверены на прочность как никогда с момента Берлинского конгресса.

Перечисление ряда иных факторов, связанных с фигурами второго и третьего планов, способно нюансировать, но не изменить базовый вывод: билатеральные отношения Британии и Германии не просто становились все более сложными по многообразию повестки, но и далеко не были оптимально обеспечены с кадровой точки зрения, хотя интенсивность контактов и надежды обеих сторон (да и партнеров каждой из империй) на достижение компромиссов неуклонно росли. Платформ для демонстрации взаимной гибкости и заключения сравнительно выгодных сделок становилось — по мере освоения планеты и включения внутриконтинентальных регионов в глобальную экономику — все больше, что требует отдельного рассмотрения предвоенной палитры спорных вопросов. Без системного и многофакторного погружения в эту нарастающую сложность искушение найти все необходимое для краха Венской системы в хитросплетениях исключительно балканских конфликтов (и отдельно — Июльского кризиса) вот уже более столетия оказывается слишком велико.

IV. Выводы

Усложнение расстановки сил и неуклонное размывание прежней модели дипломатии зашли к 1910-м годам столь далеко, что каждый новый компромисс все больше походил на карточный домик, а формулировки даже самых секретных соглашений становились все менее конкретными и обязательными к исполнению. Именно тайная дипломатия, столь ошельмованная впоследствии, долгое время служила главным средством гарантирования мира, а не только передела владений. Однако в эпоху триумфа СМИ и информационно-технической революции, с быстро развитием телеграфной сети, становлением межконтинентальной телефонной и радиосети [30], рассчитывать на *business as usual* в дипломатии было утопической надеждой. Происходившее на международной арене давно миновало предел управляемости на техническом, административном и даже этическом уровнях, а потому грозные «стечения обстоятельств» были не только частыми, но и неизбежными — без всякого «лунатизма» тех или иных государственных деятелей или целого поколения, который им приписывает самая популярная из работ, подготовленных к столетию Первой мировой войны, уже переведенная на многие языки [Clark]. Впрочем, психологические и иные субъективные особенности поколения, «погасившего огни над Европой», игнорировать не следует.

Диалектическая связь между сложным балансированием и искушением «простого» решения проблем, накопившихся под давлением мощной динамики индустриальной фазы развития, была вроде бы хорошо известна поколениям, получившим классическое образование, которое доминировало вплоть до Великой войны. Однако всякий раз считалось, что и действительно разрубить гордиев узел — как и во многие другие периоды истории «европейского концерта» — «невозможно в современных условиях».

«Аберрации близости», особенно типичные для эпохи бурных перемен — в данном случае «второй промышленной революции», «высокого империализма», — осложнялись массой субъективных факторов, значение которых было куда выше, чем готовы были признать объективистски настроенные аналитики, а тем более политики и дипломаты. Последние часто крайне ригидно воспринимали пределы вероятного, полагая незыблемой, в частности, роль Лондона как кризисного арбитра — ярким примером здесь может служить Австро-Венгрия [31].

Венская система международных отношений традиционно датируется 99-летним периодом общеевропейского «мира», несколько раз все же прерванного войнами между великими державами. Она реформировалась лишь под угрозой масштабного коалиционного противостояния «всех против всех», в 1854–1856 и в 1876–1878 гг. Едва ли приходится сомневаться в том, что время, истекшее после Берлинского конгресса требовало новой сущностной перезагрузки системы. Как минимум с конца XIX в. посредством ряда «свиданий», конференций под гуманитарными лозунгами и двусторонних (вопреки общеизвестным стратегическим союзам) соглашений была накоплена значимая надстройка над давно подорванным, но все еще соблюдаемым великими державами балансом сил хотя бы на территории Европы. Вынос амбиций за европейские

пределы неизбежно, но не вполне предсказуемо ударил по благим намерениям империй затяжной дестабилизацией наиболее уязвимого региона (Балкан), что затмило подлинную сложность международной повестки — и не столько для современников, сколько для потомков.

Маловероятно, что европейские элиты, особенно дипломатические, при всей их консервативности и ригидности в деловой этике не понимали остроту потребности в новом глобальном компромиссе. Но это не гарантировало готовности основных акторов к рискованным авантюрам и амбициозным претензиям на звание очередного «честного маклера». Возможно ли было повторить казавшуюся виртуозной балансировку, произведенную Бисмарком, в изменившихся за треть века международных параметрах — вопрос почти риторический. Однако огромную ответственность за неудачу любой подобной попытки, особенно после действий главы габсбургского МИД А. фон Эренталя в Боснийском кризисе, признавали прекрасно. На фоне сонма субъективных обстоятельств, технических особенностей и общего темпа событий именно это, помимо безволия, агрессии, накопленной усталости и недоверия, могло окончательно склонить чашу весов в пользу сознательного отказа от очередного дипломатического чуда, которое в ходе Июльского кризиса было более чем возможно, а после оглашения вечером 25 июля 1914 г. ответа Сербии на ультиматум из Вены даже показалось состоявшимся.

Примечания

1. Достаточно обратить внимание на сербскую позицию спустя 100 лет после убийства Франца-Фердинанда [Белаяц].
2. Помимо «цветных» книг родоначальником этого жанра следует считать неоднократно переиздававшуюся подборку [Переписка Вильгельма II...]
3. Есть и попытки провести не только суммирование, но и начать компаративное сравнение «решений вмешаться» на национальном уровне [Hamilton, Herwig]
4. Это не мешает появлению своего рода неомальтузианских работ [Winzen]. Однако демография, например, крупных городов того времени не дает никаких оснований для чрезмерного сгущения красок, ведь даже простого воспроизводства населения во многих из них не наблюдалось и в разгар индустриального бума, а бурный рост был почти исключительно миграционным. Давление аграрного населения к 1914 г. оставалось по-настоящему серьезной (но активно решавшейся) проблемой, если говорить о великих державах, только в России, Австро-Венгрии и Италии.
5. Искажения в его восприятии современниками были столь устойчивы, что не только породили мифологию *Belle Époque*, но и оказали значительное влияние на последующую традицию лакировки этого исторического периода [См., напр.: Tuchman; Hobsbawm].
6. В базовой германской работе о внешней политике «эпохи рейха» соответствующая глава так и называется: «Разрядка или война: внешнеполитические варианты на выбор у Бетман-Гольвега (1909–1914)» [Hildebrand. S. 290–351]. Минусом данного фундаментального труда является лишь почти не осознаваемая автором (западо)европоцентричность — там не нашлось места ни для П.А. Столыпина, ни для В.Н. Коковцова.

7. Это совершенно не подразумевало иллюзий в столицах великих держав относительно высокой вероятности скорого военного столкновения Греции и Османской империи или сразу всех соседей обозначенной, но так и не созданной Албании с неизбежным прямым участием Италии, Австро-Венгрии и Порты. О кризисе вокруг албанского престола весной 1914 г., лишь частично улаженном Корфским протоколом 17 мая 1914 г., и об общей обстановке в регионе между Второй Балканской и Первой мировой войнами [См.: Воеckh; Искендеров].
8. Далеко не случайно не только то, что автор концепции Н. Энджелл был удостоен Нобелевской премии мира значительно позже, уже на пути ко Второй мировой войне, но и то, что его идеи вновь оказались востребованы в следующем цикле ожиданий «конца истории» и восторгов перед глобализацией как способом решить проблему вооруженных конфликтов [См.: Энджелл].
9. Как показывает специальное исследование, в далеко не полном списке из 33 конфликтов, имевших место за почти 60 лет существования последней версии Венской системы, то есть после Крымской войны, лишь четыре (!) относились к периоду 1908–1914 [Vermiedene Kriege...].
10. О положении в генеральных штабах в канун Великой войны см. [Gehirne der Armeen?.. S. 3–201]. Рецензия и критика данного обзора: [Ланник. Рец. на Gehirne der Armeen?]
11. Своего рода попыткой напомнить об успехах в деэскалации годы, предшествовавшие Первой мировой войне, однако без внятной гипотезы о причинах провала кризисного менеджмента в ходе Июльского кризиса стала монография Ф. Кислингга [Kießling].
12. Сильным импульс к радикализации и расколу между реформистами и ультралевыми даже вне связи с вопросом об отношении к войне могла стать смерть А. Бебеля летом 1913 г.
13. Весьма показательно уже само название работы о (вроде бы) выигранной Третьей республикой войне, с подчеркиванием нараставшего перед 1914 г. скепсиса и равнодушия к любым новым приобретениям [Andrew, Kanya-Forstner]. О предвоенной французской внешней политике также см.: [Keiger].
14. Идейная сторона милитаризации и военной истерии в общественных кругах великих держав уже не раз подвергалась компаративному анализу, хотя на его результатах сказывается эмоциональный флер итогов обеих мировых войн с предубеждением в адрес именно Германии [См., напр.: Vogel]. Весьма показательно и сопоставление наиболее вероятных противников в военных институтах на локальном уровне, как до Великой войны, так и в ходе нее [Meteling].
15. При темпах роста населения даже только метрополии, не говоря о почти не задействованном, в отличие от Великобритании и Франции, людском потенциале колоний, при полной реализации программ по наращиванию вооруженных сил 1911–1913 гг. (то есть где-то к весне 1915 г.) Германская империя на следующий 5–7-летний срок имела бы армию, приближающуюся по численности лишь к 1–1,2% населения, с постоянным понижением доли призываемого контингента [Ланник. «Вооруженная до зубов Германия»...]. Во многом схожие параметры между размерами вооруженных сил и реальным мобилизационным потенциалом Российской империи, даже по итогам полной реализации «больших программ» 1912–1917 гг., не дают основания отечественным (в отличие от зарубежных) специалистам полагать державу Романовых чрезвычайно милитаризованной страной.

16. Первое по-настоящему масштабное исследование о Тройственном союзе (с действительно сильным итальянским аспектом, а не откровенным редуцированием к связке Берлин — Вена) вышло лишь в начале XXI в. [Afflerbach]. Пример оперирования категориями Двойственного союза через откровенно зауженную рамку анализа даже относительно периода расцвета союза трех держав [Verosta].
17. Финальные, порой почти отчаянные, меры по координации военных усилий Антанты изучены куда лучше, но ряд успехов здесь достигнут лишь недавно [McCrae].
18. О динамике двухлетних переговоров, свернутых под давлением Германии в июне 1914 г., см.: [Schröder].
19. И все же он оставался определенным магнитом для западной историографии, упорно исследовавшей детали единственно верного «рецепта победы» [The Schlieffen Plan...].
20. Одним из ярких представителей этой категории, наряду с М. Эрцбергером, был Э. Йэкх, молодой журналист, сделавший себе имя на апологии османской армии в период катастрофических для нее месяцев Первой Балканской войны, а затем ставший важным каналом взаимодействия с младотурецкими (и не только) элитами. См. его далекие от скромности, но полные интересных деталей и политических интриг за несколько десятилетий мемуары: [Jäckh]. С оговорками к этой же категории можно отнести ряд крупных предпринимателей из различных великих держав, например, личного друга кайзера и претендента на господство в трансатлантических перевозках А. Баллина.
21. Именно взаимная уязвимость сделала возможными многие блестящие успехи и громкие скандалы довоенных десятилетий, от дела Дрейфуса до дела Редля, что гарантирует пищу для спекуляций публицистов известного рода по сей день [См., напр.: Фляйшхауэр].
22. См. одну из наиболее оригинальных попыток комплексного анализа тенденций, приведших к радикальному переформатированию ряда регионов, некогда входивших в Османскую империю [Улунян].
23. Сравнительно компактный обзор историографии проблемы по состоянию на начало XXI в. [Schöllgen, Kießling].
24. Источниковая база по этой проблематике пополняется со времен Великой войны и по сей день [См., напр.: Eccardstein; Lichnowsky; Widenmann; Schöllgen; Otte].
25. Крупнейшей такой работой, написанной на материалах кануна войны и преследующей цель доказать, что путь к войне стал необратимым по итогам совещания руководства Германской империи 8 декабря 1912 г., является третья монография Ф. Фишера [Fischer]. Наиболее авторитетным противником обвинений в адрес исключительно Германии выступил Г. Риттер [Ritter].
26. См. обзор итогов полемики до ее нового витка на волне юбилеев в 2010-х гг. [Mombauer].
27. Особую нервозность эпохи подчеркивали не раз [См., напр.: Radkau].
28. Отставка фон Бюлова ни в коем случае не воспринималась как окончательная (особенно им самим) и уж тем более как полная утрата бывшим рейхсканцлером влияния на дипломатию Германской империи. Это показывают, несмотря на крайнюю пристрастность, его мемуары, русский перевод которых значительно сокращен [См.: Bülow]. Так и не став «новым Бисмарком», Бюлов после 1909 г. походил на него как никогда особенностями своей оппозиции, все более радикальной благодаря затянувшейся отставке.
29. В качестве компактного обзора британской внешней политики см. [Капитонова, Романова]. Базовым трудом по теме полвека остается монография З. Стайнер [Steiner].

30. Тем болезненнее и неожиданнее оказался резкий обрыв выстроенного за десятки лет информационного полотна в связи с жесткой блокадой Антанты Центральных держав [См., подр.: Barth].
31. Характерно, что в историографии явно преобладает внимание к якобы исключительно агрессивно мыслившим военным двуединой монархии во главе с эрцгерцогом Францем-Фердинандом и, особенно, Ф. Конрадом фон Гетцендорфом, однако анализ их планов вокруг превентивной войны нуждается в широком контекстном осмыслении, а не только в цитировании оперативных документов, выглядящих крайне радикальными в силу особенностей данного «жанра» [Kronenbitter].

Литература

- Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903-1914 гг. СПб. 2022.
- Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М. 2015.
- Искендеров П.А. Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб. 2013.
- Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М. 2016.
- Ланник Л.В. «Вооруженная до зубов Германия»: потенциал кайзеровских вооруженных сил к началу Великой войны // ЭНОЖ. История. 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). — URL: history.jes.su/S207987840023775-1-1 (дата обращения: 16.03.2026).
- Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб. 2020.
- Ланник Л.В. Рец. на *Gehirne der Armeen?* // Территория. Т. 1 (2025). № 4. С. 233-255.
- Малкин С.Г. Патрулируя Империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху интербеллума. М. 2025.
- Ньюбольд В. Как Европа вооружалась к войне (1871-1914). М. 1923.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг. 1923.
- Романова Е.В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898-1914 гг. М. 2008.
- Улунян А.А. Балказия и Россия. Структура угроз национальной безопасности Российской империи на Балканах, Кавказе, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900-1914 гг.). М. 2002.
- Фляйшхауэр Е.И. Русская революция. Ленин и Людендорф (1905-1917). М. 2020.
- Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М, 1961.
- Энджелл Н. Великая иллюзия. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск. 2009.
- Adam H.K. Großbritanniens Balkandilemma: die britische Balkanpolitik von der bosnischen Krise bis zu den Balkankriegen 1908–1913. Hamburg. 2009.
- Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien u. a. 2002.
- Andrew C.M., Kanya-Forstner A.S. France Overseas. The Great War and the Climax of French Imperial Expansion. L. 1981.
- Angelow J. Der „Kriegsfall Serbien“ als Willenstherapie. Operative Planung, politische Mentalitäten und Visionen vor und zu Beginn des Ersten Weltkrieges // Militärgeschichtliche Zeitschrift. Bd. 61 (2002). S. 315-336.

- Barth V.* Wa(h)re Fakten. Wissensproduktionen globaler Nachrichtenagenturen 1835-1939. Göttingen. 2020.
- Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innerpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf. 1971.
- Boeckh K.* Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg: Kleinstaatenpolitik und ethnische Selbstbestimmung auf dem Balkan. München. 1996.
- Brechtken M.* Scharnierzeit 1895-1907: Persönlichkeitsnetze und internationale Politik in den deutsch-britisch-amerikanischen Beziehungen vor dem Ersten Weltkrieg. Mainz. 2006.
- Bülow B.v.* Denkwürdigkeiten: 4 Bde. B. 1930-1931.
- Clark C.M.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. L. 2012.
- Eccardstein H. von.* Die Isolierung Deutschlands. Leipzig. 1921.
- Elze W.* Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzüge und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront. Breslau. 1928.
- Fischer F.* Krieg der Illusionen: die deutsche Politik von 1911-1914. Düsseldorf. 1970.
- Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege / hrsg. von L. Grawe. Paderborn. 2023.
- Hamilton R.F., Herwig H.H.* Decisions for War, 1914-1917. Cambridge. 2004.
- Hildebrand K.* Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. B. 1999.
- Hobsbawm E.* Age of Empire, 1875-1914. L. 1987.
- Jäckh E.* Der goldene Pflug: Lebensernte eines Weltbürgers. Stuttgart. 1954.
- Keiger J.F.V.* France and the Origins of the First World War. L.; Basingstoke. 1983.
- Kießling F.* Gegen den „großen“ Krieg?: Entspannung in den internationalen Beziehungen 1911-1914. München. 2002.
- Kronenbitter G.* „Krieg im Frieden“. Die Führung der k.u.k. Armee and die Großmachtpolitik Österreichs-Ungarns 1906-1914. München. 2003.
- Krumeich G.* Aufrüstung und Innenpolitik in Frankreich vor dem ersten Weltkrieg: die Einführung der dreijährigen Dienstpflicht 1913-1914. Wiesbaden. 1980.
- Lichnowsky Fürst K.M.* Auf dem Wege zum Abgrund. Londoner Berichte, Erinnerungen und sonstige Schriften. Dresden. 1927.
- „Maschine zur Brutalisierung der Welt“? Der Erste Weltkrieg — Deutungen und Haltungen 1914 bis heute / hrsg. von A. Weipert, S. Oberhaus, D. Nakath, B. Hüttner. Münster. 2017.
- McCrae M.* Coalition Strategy and the End of the First World War. The Supreme War Council and War Planning, 1917-1918. Cambridge. 2019.
- Meteling W.* Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Kriege 1870/71 und 1914-1919. Baden-Baden. 2010.
- Mombauer A.* The Origins of the First World War. Controversies and consensus. L. 2002.
- Otte T.G.* Détente 1914: Sir William Tyrrell's Secret Mission to Germany // Historical Journal. Vol. 56 (2013). № 1. P. 175-204.
- Pöhlmann M.* Geheimnis und Sicherheit: der Aufstieg militärischer Nachrichtendienste in Deutschland, Frankreich und Großbritannien 1871-1914. B. 2024.
- Radkau J.* Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler. München; Wien. 1998.
- Rathmann L.* Stoßrichtung Nahost 1914-1918: Zur Expansionspolitik der deutschen Imperialismus im 1. Weltkrieg. B. 1963.

- Richard von Kühlmann. Memoiren und politische Korrespondenz 1904-1918 / hrsg. von M. Bußmann, W. Baumgart. B. 2024.
- Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk: 4 Bde. Bd. 2. Die Hauptmächte Europas und wilhelminisches Reich (1890-1914). München. 1965.
- Schöllgen G. Richard von Kühlmann und das deutsch-englische Verhältnis 1912-1914. Zur Bedeutung der Peripherie in der europäischen Vorkriegspolitik // Historische Zeitschrift. Bd. 230 (1980). S. 293-337.
- Schöllgen G., Kießling F. Das Zeitalter des Imperialismus. 5. Aufl. München. 2009.
- Schröder S. Die englisch-russische Marinekonvention; das Deutsche Reich und die Flottenverhandlungen der Tripleentente am Vorabend des Ersten Weltkriegs. Göttingen. 2006.
- Stein O. Die deutsche Heeresrüstungspolitik 1890-1914; das Militär und der Primat der Politik. Paderborn. 2007.
- Steiner Z.S. The Foreign Office and foreign policy, 1898-1914. Cambridge. 1969.
- The Schlieffen Plan: International Perspectives on the German Strategy for World War I / ed. by H. Ehlert, M. Epkenhans, G.P. Gross, D.T. Zabecki. Lexington. 2014.
- Tuchman B.W. The proud tower. A Portrait of the World Before the War, 1890-1914. N.Y. 1966.
- Vermiedene Kriege: Deeskalation von Konflikten der Grossmächte zwischen Krimkrieg und Erstem Weltkrieg, 1865-1914 / hrsg. von J. Dülffer, M. Kröger, R.-H. Wippich. München. 1997.
- Verosta S. Theorie und Realität von Bündnissen. Heinrich Lammasch, Karl Renner und der Zweibund (1897-1914). Wien. 1971.
- Vogel J. Nationen im Gleichschritt: der Kult der „Nation in Waffen“ in Deutschland und Frankreich, 1871-1914. Göttingen. 1997.
- Widenmann W. Marine-Attaché an der kaiserlich-deutschen Botschaft in London 1907-1912. Göttingen. 1952.
- Winzen P. Bevölkerungsexplosion in Europa und Kalter Krieg 1904-1914. Zu den Ursachen des Weltkriegsausbruchs. Göttingen. 2024.